

Рецензия на статью Савчука В.В. «Политики медиа и эстетика»

Резонансный доклад, обсуждаемый текст, острый полемический выпад - любое публичное высказывание, претендующее на философский статус, может действительно его обрести только если проявит силу, достаточную для того, чтобы пробить стеклянную броню обыденности, открыть путь по ту сторону слепящей самоочевидности, вывести к самим вещам – т.е. к той часто непристойной изнанке повседневности, от которой на уровне рефлекса морщатся и отворачиваются, и которая на уровне рефлексии симптоматично опускается. Представленная статья поднимает многое из того, что опускается, возбуждает внимание, обращаясь к привычно избегаемому или намеренно не замечаемому. И, в этом смысле, она несомненно философская: по-хорошему неприличная, она болезненно задевает читателя, провоцирует его, заставляет искать аргументы против, оставляет в растерянности и задумчивости.

Жанр в котором написана статья – философская симптоматология. Цель статьи – предельно строгий самоотчет. Во-первых, статья ставит философию перед необходимостью произвести ревизию собственных дисциплин: проверить их соответствие актуальному положению вещей – тем, загадочным конфигурациям, которые обнаруживают медиаэкраны нашей высокотехнологизированной современности и которыми захвачено наше сознание, стигматизированы наши тела. Во-вторых, в статье брошен вызов наиболее молодой, наиболее амбициозной и, тем не менее, уважаемой философской дисциплине – эстетике. Примечательно, что вызов брошен не автором, а самой технологической ситуацией нашего времени. Уже не первое десятилетие футурологи обсуждают приближение технологической сингулярности – того неуловимого гипотетического момента, когда технический прогресс настолько ускорится и усложнится, что перестанет быть доступным пониманию человека. Что касается информационных технологий и мира, который они создали, то здесь технологическая сингулярность уже наступила. Технический прогресс настолько ускорил социальное время и сжал экзистенциальное пространство, что породил герменевтически непрозрачную ситуацию информационного изобилия. Мы живем в мире к которому сознание не готово: мы получаем больше информации, чем способны освоить, мы сталкиваемся с большим количеством событий, чем те, на которые способны адекватно отреагировать, мы вовлечены в большее количество социальных взаимодействий, чем те, на которые можем эмоционально ответить. Информационное изобилие оказалось уравновешено эмоциональным отчуждением: даже шок-контент новостных лент и индустрии развлечений перестает задевать. Категории прекрасного и возвышенного, безобразного и низменного, поддерживающие систему понятийно-ценностных координат в которых еще вчера обитало сознание, сегодня опустошены новыми скоростями, новыми режимами образов, новыми формами насилия – новыми медиа. И именно медиа бросают вызов эстетике, ответ на который, по мнению автора, подобен новому рождению этой науки. Отсутствие ответа подобно летальному исходу.

Не будем «за упокой». Рано! Обратимся лучше к истории болезни. Эстетика – как наука, как форма сознания и способ жить – продукт Нового времени. Античность и Средние века не знали эстетики, по той же причине по которой они не знали субъекта, объекта, разделения оценочных и познавательных суждений, не чувствовали необходимости в критике разума и движения к самим вещам. Сами вещи и были разумом, самим вещам принадлежали не только истина, но и красота. Мир мыслился как прекрасный порядок – в эстетическом, этическом, и логическом смысле одновременно. Духовное делание –

прекрасно, создание прекрасного – духовное делание, поскольку оно подражая природе, приходит к осознанию единства замысла, его красоты и нравственного величия. Новое время выводит на сцену истории мыслящее «Я» – познающего и оценивающего субъекта, противопоставляя ему вещи в статусе объектов, предметов, которые прекрасны теперь не тогда, когда играют свою роль в мироустроительном замысле, а только когда представлены в особом свете оценивающего суждения, когда аффицируют и провоцируют, запускают в ход игру чувственных способностей, когда отражают вкус (способность оценивать) или гениальность (способность творить). Индивидуальное сознание, или «Я» как инстанция оценивающего суждения эстетизируется в той мере в какой деэстетизируется действительность. То, что «прекрасное» лишается онтологического статуса и попадает под ведомство эстетики как «низшей гносеологии» (никаких «оценочных суждений», так у отца-основателя новой науки – А. Баумгартена), говорит нам об архетипической драме Нового времени, сквозным сюжетом, проходящей через многочисленные малые «постановки»: рождение науки эстетики было куплено утратой красоты, прежде обнаруживаемой непосредственно в мире. Прагматизм и деловитость, эффективность и эффектность – исключили эстетику из базовых настроек мира и породили эстетику как настроение сознания, как то, что требует настройки – дисциплины и вышколенности. Но результатом «школения», часто выступает не школа – как способ постановки вопросов и методичного на них ответа, а школа как стандарт, как панцирь составленный из пластин шаблонных формулировок и в котором сознание с комфортом укрывается от тревожных вопросов. Школьные формулировки в качестве готовых критериев, этикеток, наклеенных на вещи, пожирают сами вещи, обезличивая их, превращая лишь в очередной пример скучной формулы. Маркс сравнивал капитал с вампиром. Действительно, капитал – мертвый труд, который пьет кровь живого труд, оживает за счет иного. Но касается ли это также и интеллектуального труда? Несомненно! Эстетика в ходе поиска выхода из школы проникает в антиэстетические сферы – питаюсь скандалом, но, обратной стороной этого выхода, оказывается уничтожение самой субстанции скандала. Автор беспощаден: «Трудно сказать, кто более пострадал от этого: эстетика от близости с порнографией, лишившись безукоризненной связи с прекрасным или же порнография, которая в тени эстетики лишается чистой линии вождения? И все же, по трезвому размышлению, следует сказать — определенно выиграла эстетика, т.к. она впитала ресурс запретного желания и вождения, а порнография, ставшая предметом анализа, стала скучной, как работа на конвейере».

Реальность, создаваемая медиа возвращает эстетически вытесненное, онтологизирует эстетические категории. Аудиовизуальные режимы, предлагаемые цифровыми медиа, потоки знаков, образов, сообщений, аватаров, которыми охвачено тело современной культуры предполагает эстетическое основание, но удивительный факт – реальность как воплощение эстетики, уравнивается утратой реальности эстетическим дискурсом. Неудивительно, что ряд феноменов современного мира: порнография, трэш-дискурс, мем-коммуникация, баттл-культура, перенасыщенность визуального поля, парадоксальность информационного пространства и времени – смещают и запутывают эстетические категории, а эстетическим дискурсом как будто сглаживаются вплоть до исчезновения. Э. Ауэрбах заметил, что у историков из-за сложности того материала с которым они работают, - противоречивости человеческой природы и хрупкости социальных машин, - наблюдается склонность превращать историю в легенду, или даже в набор идеологических лозунгов. Эстетике также приходится иметь дело с чрезвычайно сложным материалом – реальностью, созданной медиа и здесь главная задача не фабриковать легенды, не впадать в «кабинетную мифологию», создавая в дискурсе реальность более простую, чем та, которая встречает нас

на улицах, задевает в общении, смотрит на нас с экранов наших гаджетов. Отсюда главный рецепт автора – не упускать политики медиа в дискурсе современности. «Медиафилософия выступает не против эстетики — она принципиально не против любого домедиального подхода, — она лишь сообщает о том, что после медиального поворота «любая философская мысль проходит проверку на степень медиазависимости путем саморефлексии». У медиа есть свои интересы, диктующие определенную политику медиа, своя логика, своя рациональность и своя же эстетика».

Современная реальность как реальность, произведенная медиатехнологиями, ускоряет процессы коммуникации, увеличивает объемы передаваемой информации, предполагает новые способы интеракции и тем самым изменяет формы переживания пространства и времени, меняет модели восприятия и осознания опыта мира. Информационное изобилие и эмоциональное отчуждение находят свой ответ в интерактивных технологиях, интерфейсах-оболочках, ориентированных не на рациональное понимание, а на аффект и признание, на вовлечение через сопереживание, на менеджмент внимания и завоевание интереса, новая эстетика – эта эстетика технологий, которые вводят в современное тело свои чувственные режимы, свои модели желания. Сложно не согласиться с автором, что эстетика до сих пор не проявила для себя роли в политике медиа, участвуя в них скорее спонтанно и бессознательно, чем законодательно. Политики медиа болезненно проходя сквозь тело современности требуют критики эстетического разума, а такая критика смогла бы дать нам путеводную нить для экспликации медиареальности, осознания ее внутреннего устройства, правил игры, условий выживания в ней.

Оригинальность темы, предельная строгость в ее разработке, и значимость в контексте социокультурной и технологической ситуации нашего времени позволяют рекомендовать статью к публикации без исправлений и доработок в журнале «Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология».

Невская губа, о. Котлин, 10-17 февраля 2018 г.

Очеретяный Константин Алексеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета.

197762, Санкт-Петербург, Кронштадт, ул. Советская, д. 25, кв. 42, +79214048984,

kocheretyany@gmail.com

Личную подпись Е.И. Мясоедова заверяю
Документ подписан по личной инициативе
Текст документа размещен в открытом доступе на сайте СПбГУ по
адресу <http://spsb.ru/sejts/kocheretyany.html>
Ведущий специалист по кадрам Е.И. Мясоедова

22.02.2018

